

Живет в Киеве (Украина).

ОТКРОВЕНИЯ НЕ ВПИСАВШЕГОСЯ

МХ-44

Как и много троллейбусных пробок назад,
появляюсь на площади Боли.
Петушковая шапка, куртец под базальт –
перед прошлым пижониться, что ли.

Все знакомые ДАКи и 9Tr
поднимаются из криокамер.
В их глазах я – бессрочный пацан-пионер
с хитрецей и двумя огоньками.

Кто авоську несёт, кто молочный бидон
в углекислую крепость толкучки...
Предыдущий общественный строй побеждён,
утверждаемый – спущен до ручки.

Но какая-то вера упорно горит,
хоть изъезженный лозунг бездарен.
Я сливаюсь с потоком рогатых корыт,
проносясь мимо исповедален.

Сапоги – этот культовый бренд AKIAK –
самый цимус гонять по озёрам.

Ливень хлещет, а ты будто юный моряк
или плут с небожительским флёрком.

Площадь Боли тогда была сквером Мечты.
Тополей шелестели монетки,
а лучи как-то странно сплетались в жгуты,
грея краешки лычек разметки.

Вот и он, победитель в седьмой чехарде,
подплывает ко мне на гондоле.
...Наш турнир продолжается завтра. Но где –
знает разве что пёс Конан Дойля.

Скучный город, ликуй: я нашёл братана.
А уж с ним будет всё: и полёты,
и пружинящие до бедра стремяна –
возбудители божьей икоты.

МХ-52

Смастерил бы мне к лету какую-нибудь лупоглазую
с восьмитактным движком для своих экспедиторских нужд! –
размышлял я, склоняя Творца падежами развязными,
словно главную шишку в ряду кабинетных чинуш.
А она на меня из соседней жаровни тарасилась,
где теплица была, где мичуринец свёклу выращивал
на электрогирлянде... В те дни пионерской возни
вся мечта ограничивалась белизной простыни.

Без меня ей дорога была поперёк радиатора.
Поначалу терпела она кривобокий вольер,
но однажды – когда я всё понял – с утра, в полдевятого
прокусил колесо ей от скуки один двортерьер.
Оседала машинка, едва отличаясь от пряника.
Ей бы рулик – да в резвы ладошки, да с ветром, да пряменько...
Попадались одни браконьеры. Отдать им свой старт
означало усохнуть от немагазинных растрат.

Холоднее и призрачнее с уменьшением клиренса
становилась игрушка подвально-складских чертенят.
Одноклассники обзавелись кто чем может. Я кинулся –
пауки доедают резину и что-то бубнят.
Беспристрастный Творец тупо съехал с профессии плотника,
резюмируя: ты не узрел, мол, приличного клопика!

Вроде юмор ему не присущ, но от фразерских хохм забывается капля хорошего в вечном плохом.

Обвалился вольер, штукатурка беззвучно осыпалась,
вдох последний исторгла подвеска, убитая в хлам,
и приснились машинке края, где как воздух – неизбежность
пионерского правила «радость и боль – пополам».
Тихий кемпинг под Харьковом, пункт автосервиса в Нальчике...
А потом за стеклом и железом пришли коммунальщики.
Грохот слышали? Чистенький виден в окошке газон.
Только долг мой теперь – досмотреть экспедиторский сон.

МХ-60

Музеи разных направлений и тематик,
ларьки с копчёными сосисками в томате,
берёзки в точечной чуме, студентки в дредах,
а для стихов тебе ни темы, ни толчка.
Ну, сигарету мимо урны кто-то кинул,
поджог сухую прибордельную калину –
и так всю ленту скучной жизни домоседа,
картошку скрывшего от налогового.

Нет батарейки или вещего орешка.
Совет всеобщий – предрассветная пробежка,
как будто порцией добавочного пота
она спасла чаровника хоть одного.
Абстрактный коучинг велит задаться целью.
Но ты ж мечту лелеял вроде не кобелю
и по бульварам с пентаграммой полиглота
гулять сто лет хотел, как в злаках по-над рвом.

В вишнёвой мгле при вдохе чувствуется таллий –
то разложился мой «Ниссан» без двух педалей
на радиацию вулкана бабских сплетен,
кюветный дёготь и наждачный маринад.
Могилы нет, в которой выпалась бы вдосталь
машинка синяя, приняв свой склеп за хостел.
Воздушным змеем пролетит в вечернем свете
её вороний глаз – и линии фонят.

Всё та же песня – «без тебя мне нет апреля...»
Она сквозь лет бетон мне слышится в отстреле
голодной своры металлических любовей,
перечеркнувших и ромашки, и моря.
Земля устала и с Луной скрестила оси.

Я не нашёл ни в том, ни в том пустом кокосе
чего-нибудь албанских бункеров путёвей –
ни трезвым нюхом, ни настурцию куря.

[Страница автора в сети](#)

